

лемы системного анализа принятия государственных решений. Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 1973. 4. Самощенко И. С., Никитинский В. И., Венгеров А. Б. К методике изучения эффективности правовых норм. — Сов. государство и право, 1971, № 9. 5. Самощенко И. С., Никитинский В. И. Экономическая обоснованность (целесообразность) правовых решений и экономичность их действия. — Сов. государство и право, 1976, № 5.

В. С. Зеленецкий, канд. юрид. наук

Харьковский юридический институт

КЛАССИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Каждый вид обвинения осуществляется конкретным субъектом. Без субъекта обвинение не может выполнить своего функционального назначения. Это утверждение справедливо и для государственного обвинения, являющегося одним из основных видов публичного обвинения, которое возникает в советском уголовном процессе в связи с его возбуждением компетентным государственным органом — прокурором¹ [1, с. 112].

Субъектом, осуществляющим государственное обвинение, выступает лицо, выполняющее функцию прокурорского надзора. Хотя такого рода функция реализуется не только прокурором, но также его заместителями и помощниками, лишь прокурор имеет право утвердить обвинительное заключение и тем самым возбудить государственное обвинение, а другие лица правомочны только поддерживать его в судебных стадиях процесса. В связи с этим возникает необходимость классификации всех субъектов государственного обвинения на две группы. К первой относятся лица, возбуждающие государственное, ко второй — лица, поддерживающие его. В п. 6 ст. 32 УПК УССР (п. 6 ст. 34 УПК РСФСР) дается разъяснение термина «прокурор». К прокурорам закон относит Генерального прокурора СССР, прокурора республики, области, города, района, военного прокурора, их заместителей и помощников. Сопоставление этой нормы закона с другими статьями УПК, в частности со ст. 228—233 УПК УССР, указывает на то, что возбуждать государственное обвинение может только прокурор и что таким правом помощник прокурора не наделяется. По этому пути идет и следственно-прокурорская практика.

В связи со сказанным п. 6 ст. 32 УПК УССР, равно как и соответствующие нормы УПК других союзных республик, где содержится разъяснение термина «прокурор», нуждается

¹ Такого рода решение прокурор должен принимать в стадии возбуждения государственного обвинения при наличии необходимых и достаточных оснований [1].

в приведении в соответствие с другими нормами закона. Как показывает практика, помощник прокурора согласно действующим приказам и инструкциям Генерального прокурора СССР имеет право наряду с прокурором поддерживать государственное обвинение в суде [7, с. 294]. В этих нормативных актах не говорится о праве названных лиц утверждать обвинительное заключение и тем самым возбуждать государственное обвинение против лица, совершившего преступление.

Изложенное позволяет классифицировать всех субъектов государственного обвинения на основных и дополнительных. К основным субъектам относятся прокуроры всех рангов, имеющие право как возбуждать государственное обвинение, так и поддерживать его в различных стадиях судебного процесса, а к дополнительным — помощники прокурора, которые правомочны лишь поддерживать обвинение в суде.

Вопрос о субъектах, поддерживающих государственное обвинение, уже был предметом самостоятельного исследования [2; 3; 6]. Однако подавляющее большинство авторов исследовало проблемы поддержания государственного обвинения в суде применительно к деятельности прокурора. Что касается аналогичной деятельности его помощника, то она еще недостаточно изучена. Рассмотрим вопрос о государственном обвинении, поддерживаемом помощником прокурора, и лишь в той мере, в какой это необходимо для характеристики данного лица как субъекта государственного обвинения.

Когда мы говорим о возбуждении и поддержании государственного обвинения, то в основном имеем в виду осуществление названных видов деятельности по одному и тому же уголовному делу. При таком подходе представляется возможным проследить взаимосвязь деятельности различных субъектов процесса. Отметим, что деятельность субъектов, возбуждающих и поддерживающих государственное обвинение, находится не только во взаимосвязи, но и в объективном диалектическом единстве. Нередко лицо, возбудившее обвинение, его же и поддерживает в судебных стадиях процесса. Но чаще всего это осуществляют помощники прокурора. В связи со сказанным возникает вопрос о взаимоотношениях субъектов, возбуждающих государственное обвинение, и субъектов, поддерживающих его в суде. Поставленный вопрос имеет непосредственное практическое значение, поскольку речь в обоих случаях идет об осуществлении обвинительной деятельности по конкретному уголовному делу.

Предлагаемая в ряде работ отдельная процессуальная стадия — возбуждение государственного обвинения — призвана обеспечить доброкачественную подготовку прокурора к его деятельности в суде, где он должен осуществлять надзор и поддерживать государственное обвинение [1]. Готовясь к этой деятельности в суде, прокурор в стадии возбуждения государственного

обвинения обязан обсудить и лично принять решение по той группе вопросов, перечень которых изложен в ст. 228 УПК УССР (ст. 213 УПК РСФСР). Это вытекает хотя бы из того, что прокурор, его заместитель или помощник, пришедший в суд, уже должен быть подготовлен к поддержанию государственного обвинения. Это значит, что субъект государственного обвинения обязан знать все материалы уголовного дела, быть убежденным в виновности подсудимого. Убеждение в виновности лица, равно как и по другим вопросам, должно сформироваться лишь в результате собственной мыслительной деятельности, образующей содержание процесса познания, осуществляемого в стадии возбуждения государственного обвинения.

В данной стадии процесса нередко складываются специфические ситуации, отражающие деятельность различных субъектов, поскольку одни из них вправе возбуждать государственное обвинение, а затем и поддерживать его в суде; а другие — только поддерживать. В связи с этим и возникает необходимость выяснить, является ли деятельность, связанная с подготовкой нового субъекта обвинения к поддержанию его в суде, процессуальной и относится ли она к стадии возбуждения государственного обвинения. Если на этот вопрос ответить положительно, то в каком соотношении находятся результаты познания, достигнутые прокурором, возбудившим государственное обвинение, с результатами познания, полученными лицом, которому поручено поддерживать обвинение в суде?

Практическая значимость рассматриваемого вопроса очевидна, особенно в случаях возникновения коллизии между результатами познания, достигнутыми прокурором, возбудившим государственное обвинение, и тем лицом, которому поручено поддерживать его в суде. Как показывает практика, при возбуждении государственного обвинения прокурор иногда приходит к одним выводам по делу, а лицо, которому поручено принять на себя поддержание обвинения в суде, — к другим.

В связи с возложением обязанности поддержания обвинения между прокурором и соответствующим лицом возникают определенные отношения. Не вызывает сомнения, что такого рода отношения носят правовой характер, и поскольку они основаны на решении прокурора об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения, принятого в соответствии с нормами УПК, могут и должны рассматриваться как процессуальные. Следовательно, у прокурора и лица, на которого возложена обязанность поддержания государственного обвинения, возникают как права, так и обязанности.

Прежде всего такое лицо обязано принять дело к изучению. Однако реализация данной обязанности не влечет автоматического принятия им обвинения к поддержанию в суде, так как для этого необходимо наличие убеждения о виновности того лица, в отношении которого возбуждено государственное обви-

нение. Мы полагаем, что лицо, на которое возложена обязанность поддержания государственного обвинения в суде, имеет право на самостоятельное формирование своей позиции по существу обвинения, которую он будет осуществлять в суде. Очевидно, что само поддержание государственного обвинения может иметь место, если помощник прокурора принял на себя обязанность его поддержания. Это обстоятельство должно получить свое внешнее выражение в соответствующем процессуальном акте в виде самостоятельного решения, копия которого должна направляться прокурору, возложившему на соответствующее лицо обязанность поддержания обвинения. Такое решение может быть принято в случае совпадения результатов познания и формирования в принципе одинакового внутреннего убеждения у лица, возбудившего государственное обвинение, и лица, принявшего его к поддержанию в суде.

Представляется возможным говорить об основаниях принятия обвинения к поддержанию его в суде. Среди них следует выделять: 1) материально-правовые (наличие в действиях обвиняемого состава преступления, предусмотренного нормой УК); 2) процессуальные (законность и обоснованность обвинения, отсутствие нарушений закона, препятствующих направлению уголовного дела в суд и т. п.); 3) социально-психологические (наличие убеждения в виновности лица, привлеченного к уголовной ответственности). Наличие всех этих оснований обуславливает согласие лица, которому поручено поддержание обвинения в суде, с выводами обвинительного заключения, с решением прокурора о возбуждении государственного обвинения и возложением на него обязанности поддержания его в суде. В случае существенного расхождения результатов познания между лицом, на которое возложена обязанность принять обвинение к поддержанию в суде, и прокурором, возбудившим государственное обвинение, первое обязано вынести постановление об отказе в принятии обвинения к поддержанию в суде, а второй — рассмотреть его законность и обоснованность в установленный законом срок. Полагаем, что такая проверка должна быть осуществлена в течение одних суток.

В этой связи мы предлагаем дополнить действующее уголовно-процессуальное законодательство нормой, в которой следовало бы отразить: 1) основания принятия государственного обвинения к поддержанию его в суде; 2) основания отказа от принятия государственного обвинения к поддержанию его в суде; 3) процессуальную форму решений, принимаемых в двух названных случаях; 4) срок, в течение которого прокурор обязан проверить законность и обоснованность отказа от принятия обвинения к поддержанию его в суде.

Целесообразность вынесения на практике особых процессуальных решений при наличии указанных выше оснований очевидна. Закрепление в законе этих оснований и вынесение в по-

добных ситуациях особого процессуального решения (например, о принятии или отказе в принятии государственного обвинения к поддержанию его в суде и т. д.), во-первых, конкретизируют процессуальные правоотношения между лицом, возбудившим государственное обвинение, и тем, кому было поручено принять его к поддержанию в суде; во-вторых, поскольку при отказе в принятии государственного обвинения к поддержанию в суде возникает коллизия между процессуальными позициями двух должностных лиц, то, естественно, следует и разрешить ее в процессуальном порядке, подобно тому, как это сделано для случаев несогласия следователя с указаниями прокурора (ст. 114 УПК УССР, ст. 127 УПК РСФСР).

Вынесением постановления о принятии обвинения к поддержанию в суде соответствующее должностное лицо индивидуализирует себя как субъект государственного обвинения по конкретному уголовному делу и, следовательно, создает необходимые процессуальные основания для своего участия в судебных стадиях процесса. При отсутствии такого процессуального акта основанием для его участия в судопроизводстве является решение служебного характера, которое не относится к числу процессуальных и поэтому не может оказывать какое-либо влияние на процессуальную деятельность, какой является судопроизводство.

О необходимости четкой правовой регламентации процессуальных отношений между лицом, возбудившим государственное обвинение, и лицом, которому поручено его поддержание в суде, а равно между лицами, осуществляющими государственное обвинение в суде первой инстанции и решающими вопрос о законности и обоснованности приговора в кассационном порядке, свидетельствует прокурорско-следственная практика.

Известны, например, случаи, когда противоречия во взаимоотношениях прокурора и его помощниками при решении ряда процессуальных вопросов, связанных с поддержанием государственного обвинения, обуславливают недовольство некоторых прокуроров позицией их помощников в суде, которая в той или иной степени не согласуется с позицией прокурора, выраженной им в его решении об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения. Но такого рода недовольство вряд ли можно признать этически допустимым, если позиция помощника прокурора базируется на тех данных, которые получены в судебном разбирательстве или при изучении уголовного дела.

Можно с уверенностью утверждать, что подобных последствий возникших противоречий между указанными лицами не наступило, если бы в законе был установлен процессуальный порядок разрешения такого рода процессуальных споров, о чем говорит следующий пример из судебной практики.

Прокурор М был осужден по ст. 114 УК Грузинской ССР (ст. 109 УК РСФСР) за то, что «допустил злоупотребление служебным положением, исправив предварительно согласованное со своим начальником заключение о передаче дела на доследование, дав в коллегию заключение о прекращении дела». 15 мая 1944 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР приговор по настоящему делу отменила, указав при этом в своем определении следующее: «Признав его (прокурора. — В. З.) виновным в том, что, исправив свое заключение, он не согласовал вопроса со своим начальником, суд, не считая, что М. в данном случае действовал из каких-либо преступных побуждений, осудил его за то, что он допустил нарушение внутреннего распорядка, установленного в прокуратуре Грузинской ССР в области дачи заключения по делу М.

Закон нигде не указывает, что прокурор, выступающий в кассационной инстанции, обязан при всех условиях поддерживать априорную установку, данную ему начальником и основанную на предварительном ознакомлении с данными дела. Наоборот, из содержания ст. 409 УПК Грузинской ССР видно, что в кассационной инстанции прокурор дает заключение после доклада судьи и объяснений сторон. В своем заключении прокурор не может не учесть обстоятельств и соображений, изложенных в докладе и в объяснениях, которые не могли быть известны при предварительном ознакомлении с делом, тем более, что, согласно ст. 15 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, стороны вправе представить в кассационный суд новые материалы.

Поэтому прокурор не только не может во всех случаях придерживаться полученной установки, но обязан по закону в своем заключении изменить ее, если новые неучтенные обстоятельства требуют такого изменения. Таким образом, и М. мог изменить ранее составленное заключение. Вопрос же о том, что после этого он не доложил об изменении им заключения, мог быть в лучшем случае разрешен в дисциплинарном порядке» [8, с. 26—29].

А. Г. Лякас, обращая внимание на необходимость правового регулирования взаимоотношений между названными лицами, обоснованно указывает на то, что «прокурор района (города) не имеет права давать указания своему заместителю или помощнику занимать определенную линию во время их выступления в качестве государственных обвинителей» [5, с. 75]. Прав в этой связи М. С. Строгович, акцентирующий внимание на том, что, «поддерживая на суде обвинение, прокурор пользуется независимостью в определении своей позиции, выражении своих выводов и предложений, которые он представляет суду» [4, с. 234]. Какие-либо консультации помощника с прокурором по поводу обстоятельств дела вполне возможны. Однако в суде он должен высказывать лишь свою собственную позицию. «Когда происходит судебное разбирательство уголовного дела, вышестоящий прокурор, даже тот, который поручил данному прокурору выступить в качестве обвинителя, не может обязывать выступающего в суде прокурора занять именно такую позицию, настаивать перед судом на таком-то разрешении дела, требовать осуждения подсудимого и требовать какой-то меры наказания и т. д. Все это прокурор, выступающий в суде, решает сам, исходя из того, что выяснил во время судебного разбирательства, основываясь на своем убеждении» [4, с. 234]. В этой связи представляется обоснованным утверждение М. Л. Шифмана, который считает «недопустимым, чтобы вышестоящий

последовательный переход от общей теории борьбы с преступностью к системе частных теорий, показана не только их связь, диалектическая взаимосвязь, но и раскрытие в процессе изложения частных теорий основных принципов, положений, содержания общей теории борьбы с преступностью, показано функциональное назначение каждой из них. Таким образом в преподавании системы названных дисциплин будет обеспечиваться не только объективно необходимая преемственность, но и комплексный подход к изучению завершенной системы одноплановых теорий.

В заключение отметим, что общая теория борьбы с преступностью должна отражать политику советского государства в области борьбы с преступностью, а также большую по объему, сложную по содержанию и важную по своему социальному назначению деятельность как специальных органов, так и трудовых коллективов, всего общества по борьбе с преступностью, ее причинами и условиями. Улучшению организации и повышению эффективности названной деятельности в полной мере способствовали бы разработка и принятие единых Основ законодательства о борьбе с преступностью и другими антиобщественными явлениями в советском социалистическом обществе. Эти Основы должны представлять собой комплексный нормативный акт, создающий единую юридическую базу для системы взаимосвязанных отраслей законодательства, регламентирующей деятельность компетентных органов по борьбе с преступностью и другими нарушениями законности.

Список литературы: 1. *Зеленцкий В. С.* Теоретическое обоснование стадии возбуждения государственного обвинения в советском уголовном процессе. — Проблемы правоведения. Вып. 33. Киев, 1976, с. 132. 2. *Савицкий В. М.* Государственное обвинение в суде. М., Наука, 1971. 344 с. 3. *Савицкий В. М.* Очерк теории прокурорского надзора. М., Наука, 1975. 384 с. 4. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., Наука, 1970. 516 с. 5. *Лякас А. Г.* Некоторые аспекты деятельности государственного обвинителя. — В кн.: Вопросы теории и практики прокурорского надзора. М., 1975. 6. *Шифман М. Л.* Прокурор в уголовном процессе. М., Юриздат, 1948. 346 с. 7. Сборник действующих приказов и инструкций Генерального прокурора СССР. М., Юрид. лит., 1966. 523 с. 8. Судебная практика Верховного Суда СССР. Вып. 7. М., Юриздат, 1948. 327 с.